ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ БАЗ ДАННЫХ: НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ПЕРЕЦ» И СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ

THE STUDY OF THE SOVIET HUMOROUS DISCOURSE BY MEANS OF DATABASE TECHNOLOGY: ON MATERIALS OF THE MAGAZINE "PEPPER" AND THE SOVIET POLITICAL ANECDOTES

Еремеева Екатерина Андреевна
Аспирант кафедры истории Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Украина
E-mail: Eremeeva_e_a@mail.ru

Katherine A. Yeremeyeva

Статья представляет собой сравнительный анализ официального и неофициального юмористического дискурса на материалах текстов журнала «Перец» и советских политических анекдотов. Рассматривается проблема адекватной формализации текстов, возможности систематизации большого объема информации, содержащейся в юмористических текстах. Приводятся результаты контент-анализа созданных реляционных баз данных. Делается вывод о частичном взаимовлиянии и взаимопроникновении официальной и неофициальной сторон общественной жизни в СССР.

Ключевые слова: контент-анализ, базы данных, юмористический дискурс, анекдоты, тексты журнала «Перец».

The article is devoted to analyses of official and unofficial humorous discourses on the basis of the "Perets" texts and the Soviet political anecdotes. The problem of adequate text formalization and possibility of systematization of the body of information contained in the humorous texts are considered. The result of content-analyze of created database is presented. It is concluded that there was the partial mutual influence of formal and informal sides of social life in the Soviet Union.

Keywords: content analysis, database, humorous discourse, anecdotes, texts of journal "Perets".

ОФИЦИАЛЬНАЯ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ СТОРОНЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СССР: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Советское общество традиционно находилось в исследовательском фокусе ученых разного профиля: историков, антропологов, культурологов. Это связано с многоуровневостью социокультурных явлений «советского», что делает необходимым применение междисциплинарного подхода. Такой подход позволил бы решить многообразие исследовательских задач, возникающих при рассмотрении советского общества в качестве объекта исследования. Среди них можно выделить ряд вопросов, связанных с сосуществованием официальной и неофициальной сторон общественной жизни.

В историографии существуют различные точки зрения относительно их четкого разграничения, а иногда и наличия вообще. Так, Б. Фирсов, Ю Левада, О. Хархордин[1] придерживаются той точки зрения, что «разрушение монолитности советского общества» происходило через повседневные практики советского человека по «собиранию себя» в границах неофициальной стороны общественной жизни, отделенной от официальной ощутимой границей[2]. В то же время некоторые историки-антропологи, фольклористы[3] придерживаются точки зрения, что между двумя сторонами общественной жизни в Советском Союзе происходило заметное взаимовлияние. Это находило выражение в культуре: официальная заимствовала у «народной» ее фольклоризм, эпичность, а неофициальная культура успешно воспринимала и делала частью своего языка идеологемы, клишированные фразы, объяснительные схемы и прочее достояние культуры и искусства, прошедших цензуру. Существует и другая точка зрения, согласно которой «человек советский» страдал двоемыслием, т. е. неким подобием общественной шизофрении[4].

Выяснение специфики сосуществования индивидуального и коллективного, частного и общественного в советском обществе поможет уточнить подобный «диагноз». Кроме того, станет возможным поиск путей решения таких вопросов, как особенности отношений власти и народа в Советском Союзе, выяснение степени монолитности его культурного пространства, эффективности официальной пропаганды и агитации, уровня народной оппозиционности, готовности воспринимать официальную риторику, восприимчивости гражданами определенных тем и образов и т. п. Для решения этих вопросов необходимо сравнение сопоставимых данных, которые можно найти в сферах официальной и неофициальной культурах.

Каждая сторона общественной жизни производила свои продукты культуры, которые облекались в форму многочисленных и разнообразных текстов и изображений. Их создание, воспроизведение происходило каждодневно в определенных контекстах с помощью различных коммуникативных практик. Поэтому необходимо обратиться к массовым источникам, которые регулярно создавались на протяжении длительного периода, были бы достаточно распространены в советском обществе, имели официальный и неофициальный эквиваленты, содержали достаточный информационный потенциал относительно различных сторон общественной жизни.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ЮМОР НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ЖУРНАЛА «ПЕРЕЦ» И СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ: ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В качестве источников были выбраны официальные и неофициальные юмористические тексты, которые в советском обществе стали актуальной коммуникативной практикой[5]. Памфлеты, фельетоны, карикатуры и другие юмористические произведения активно использовались для официальной пропаганды и агитации, критики «перегибов на местах», конструирования идентичностей, образов «Своих» и «Врагов»[6] и пр.

Согласно теории повседневного сопротивления Дж. Скотта[7], в таком авторитарном обществе, как советское, граждане использовали смех в качестве «оружия слабых» для выражения своего инакомыслия[8]. Неофициальный юмор также использовался для выражения своей идентичности, поиска единомышленников, снятия стресса и др. Таким образом, официальные и неофициальные юмористические произведения были актуальной коммуникативной практикой из-за ряда важных социальных, культурных и психологических функций юмора[9].

В качестве примера советского официального и неофициального юмора нами были выбраны тексты журнала «Перец» и советские политические анекдоты, распространяемые в Советской Украине. Журнал «Перец» (укр. — «Перець») выпускался в УССР с 1941 г. и был вторым по популярности в СССР журналом сатиры и юмора после «Крокодила». По сути, «Перец» был республиканским вариантом «Крокодила», во многом дублирующим темы, актуальные для всех советских читателей. Однако имелись некоторые различия: журнал печатался на украинском языке, иногда присутствовал украинский колорит, украинские исторические персонажи, вписывающиеся в общесоветскую парадигму, иногда обыгрывалась тематика украинского национализма с негативными коннотациями.

Анекдоты представляют собой небольшого размера (до нескольких предложений) юмористические рассказы с неожиданным концом. Анекдоты, в том числе и политические, получили широкое распространение в Советском Союзе и стали частью повседневной культуры граждан СССР[10]. Являясь довольно распространенной коммуникативной практикой, анекдот отразил в себе общественные настроения, ожидания, стереотипы, идентичности. Советские политические анекдоты можно рассматривать как «тайные послания» граждан СССР к представителям власти, к сложившейся ситуации,

соседним народам[11]. Таким образом, этот исторический источник также обладает достаточным информационным потенциалом для выполнения задач исследования.

Советский политический анекдот уже неоднократно рассматривался как исторический источник и социокультурный феномен[12]. Наряду с его «народным» происхождением рассматривались также версии его пропагандистского происхождения (так называемый «фальшлор»[13]). Предметом исследования также становились стереотипы, содержащиеся в этом жанре городского фольклора, в том числе и этнические[14]. Журналу «Перец» в исследованиях историков уделялось незначительное внимание, в отличие от его «старшего брата» — журнала «Крокодил». «Перец» исследовался либо историками советских масс-медиа, либо филологами[15]. Советский политический анекдот еще не рассматривался сквозь призму теории Дж. Скотта. К этим фольклорным текстам еще не применялись количественные методы для обработки и систематизации большого количества информации для избегания иллюстративности[16]. До сих пор не было исследований, посвященных сравнительному дискурс-анализу официального и неофициального юмора на примере журнала «Перец» и советских политических анекдотов.

Выбранные для исследования исторические источники, «Перец» и советские политические анекдоты, различаются по многим параметрам: по мотивам создания, размеру, возможности формирования репрезентативной выборки, датировки, особенностями функционирования в социокультурной среде. Однако сравнительный анализ осуществим, учитывая, что основное внимание исследования направлено на юмористические тексты как на некие сообщения с закодированными смыслами, которые коммуникаторы транслировали определенной аудитории[17].

Поскольку основное внимание исследования направлено на юмористический текст, то именно он и был взят в качестве единицы контекста. В журнале «Перец» представлена как визуальная информация (карикатуры, иллюстрации), так и тексты. Однако с учетом того, что журнал «Перец» сравнивается с политическими анекдотами, в данном исследовании использовались только тексты журнала. В качестве единицы счета была взята частота упоминания определенных категорий (персонажей, проблематики и др.). Некоторые исследователи, проводя контент-анализ текстов, в качестве единиц счета вполне оправданно берут количество знаков (слов, предложений), которое отводилось на определенный сюжет[18]. Это вполне применимо для текстов журнала «Перец», которые подчас достигают внушительных размеров. Однако советские политические анекдоты по размеру невелики. Поэтому практически всегда количество знаков, которые отведены для главной тематики анекдота, будет совпадать с размерами самих текстов. Размер же последних колеблется от многих факторов, не зависящих от того, какое внимание уделено интересующей нас тематике: от примененных смеховых эффектов, особенностей развития жанра в определенный период, фантазии и индивидуальной манеры рассказчика и др.

Для сравнения текстов журнала «Перец» и советских политических анекдотов были сформированы выборки из этих двух источников. Журнал «Перец» издавался с 1941 г. два раза в месяц. Количество страниц журнала колебалась от 8 до 16, а количество текстов, имеющих самостоятельное значение по отношению к карикатурам, — от 16 до 30, изредка больше. Таким образом, генеральная совокупность текстов журнала «Перец» приблизительно равна 30 тыс. текстам. Журнал «Перец» представляет собой целостную информационную систему, состоящую из частей (рубрик), каждая из которых посвящена определенной тематике. Темы, в свою очередь, иерархизированы согласно своей значимости и, следовательно, освещены в разных частях журнала (например, наиболее актуальные темы освещались на обложках и на первых страницах). Поэтому, несмотря на то, что в качестве единиц контекста были выбраны тексты, выборка составлялась из номеров «Перца». Таким образом, выборка из текстов, объединенных в журналы, позволит анализировать не только генеральную совокупность текстов журнала «Перец», а и сам журнал как информационный срез за определенный промежуток времени.

В качестве пилотного проекта было обработано около 2% от генеральной совокупности (537 текстов), отобранных методом простой случайной выборки.

Советские политические анекдоты — это фольклорные тексты, т. е. произведения устного народного творчества, которые можно вводить в научный оборот, если они каким-либо образом зафиксированы в исторических источниках. Остальные фольклорные тексты потеряны для исследователя. Из-за такой «неуловимости» фольклора, точно определить генеральную совокупность советских политических анекдотов практически невозможно. Поэтому выборку составили все собранные нами на сегодняшний день политические анекдоты (2175 текстов). К сожалению, из-за указанной специфики источника судить о репрезентативности такой выборки практически невозможно. Источниками текстов, выбранных для исследования стали: источники личного происхождения (неопубликованные личные коллекции анекдотов[19], днев-

ники, в которых автор фиксировал фольклорные тексты[20], материалы устной истории[21]), опубликованные сборники советских политических анекдотов[22], опубликованные архивные источники[23] и др.

БАЗЫ ДАННЫХ «ТЕКСТЫ ЖУРНАЛА «ПЕРЕЦ» И «СОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ»

Для обработки и систематизации информации об исследуемых текстах, их содержании были созданы две базы данных (далее — БД) в рамках СУБД MS Access: «Тексты журнала «Перец» и «Советские политические анекдоты».

Поскольку основная цель исследования — это сравнительный анализ официальных и неофициальных юмористических текстов, построение баз данных и формализация текстов происходили по аналогичным принципам. Стержневой сущностью БД стал юмористический текст, который и является единицей контекста при контент-анализе. С ней связаны характеристические сущности (тип связи один-ко-многим): «персонаж» и «проблематика». Таким образом, БД имеют основные таблицы, представляющие характеристическую (динамическую) сущность — юмористический текст и статическую (уникальную) информацию о ней. В структуру основных таблиц обоих БД входят поля, содержащие информацию об атрибутивных признаках текстов: уникальный номер юмористического текста, его название, сам текст, информацию о его размере и др. Анализ категории «размер текста» может показать, какой значимостью наделялись те или иные темы в «Перце»: наиболее актуальным и значимым отводились большие фельетоны. Однако, как показывают устноисторические материалы, наиболее часто внимание читателей обращалось на карикатуры и маленькие тексты[24].

Кроме вышеуказанных полей в основной таблице БД «Советские политические анекдоты» содержится информация относительно источника, в котором зафиксирован фольклорный текст, и язык текста в этом источнике. Для БД «Тексты журнала «Перец» такие категории теряют смысл, так как журнал издавался на украинском языке, а источником выступает сам журнал. В основной таблице, посвященной текстам журнала «Перец», введены дополнительные поля, в которых содержится информация относительно исходных данных текста (номер журнала, страница, на которой напечатан текст), автора текста, его жанра.

Одной из важнейших категорий для анализа является локализация во времени для характеристики внетекстовых реалий и возможности анализа динамической информации. С этой целью в БД, посвященной «Перцу», было отведено поле в основной таблице, в котором указывается год издания журнала. Политические анекдоты — это фольклорные тексты, поэтому весьма трудно установить точную дату появления того или иного анекдота[25]. Однако возможна относительная датировка, ей посвящена отдельная таблица в БД «Советские политические анекдоты», в которую вносится весь диапазон возможных дат создания текста.

С основными таблицами связаны вспомогательные («Персонаж» и «Проблематика»), представляющие характеристические сущности и, следовательно, динамическую информацию в тексте о содержащихся в них проблемах, образах и пр. Так, в таблицах «Персонаж» и «Проблематика» обоих БД указываются непосредственно сами персонажи и проблемы, а также их место в системе образов и проблематики источников. Например, для лучшей систематизации информации в поле «Персонаж вид» мы указываем персонаж «Сталин», «Персонаж подтип» — «Генсеки», «Персонаж тип» — «Советское руководство». В таблице «Персонаж» также отведены поля, где указываются способы маркировки, роль в отображенном общественном диалоге, место в диспозиции «Свой — Чужой», место по отношению к другим персонажам (объект, субъект), оценка персонажа, его пол, семантические характеристики (сила действия, активность как семантического узла, значимость в тексте) и др. В обеих таблицах, представляющих характеристические сущности, также были введены поля «Псевдоним», в которые заносились клишированные фразы, обозначающие те или иные персонажи и их действия. Появление в двух источниках таких клише может свидетельствовать о взаимодействии двух дискурсов: официального и неофициального.

Таким образом, специфика анализируемых источников, поставленные цели и задачи не позволили применить при создании БД источникоориентированного или проблемно-ориентированного подходов в чистом виде. Художественные тексты (которыми, по сути, являются анализируемые тексты) обладают очень большим информационным потенциалом, могут быть многоуровневыми, с большой долей закодированных смыслов[26]. Поэтому они не могут быть формализованы единственно оптимальным образом, на основе лишь из текстовых реалий. Следовательно, отбор информации для создания БД должен проводиться исходя из исследовательских задач, которые мы стремимся решить с помощью контент-анализа БД. Это обусловило использование комбинированного подхода при создании БД, что может быть справедливо для любой БД такого рода.

Определение многих категорий контент-анализа БД и смысловых единиц текстов основывает-

ся в большой степени на экспертной оценке автора. Речь идет о таких категориях, как определение коннотаций, с которыми изображаются те или иные тематики, персонажи, выяснение отношений между объектами текста (определение их места в диспозиции «объект-субъект»), типологизация персонажей, проблематики, анализ маркеров, с которыми изображаются персонажи, датировка фольклорных текстов и пр. Формализация текстов по этим категориям предполагает знание внетекстовых реалий, специфики юмористических текстов, исследовательскую интуицию. Таким образом, при анализе выбранных источников играют значительную роль качественные методы исследования, причем не только на этапе отбора смысловых полей, формализации текста, но и на этапе интерпретации полученных результатов, проверки корректности формализации текстов. Следовательно, зоной релевантности контент-анализа БД является анализ популярности той или иной проблематики, образов, частота встречаемости тех или иных маркеров, коннотаций и пр. Таким образом, корректное использование качественных и количественных методов позволяет более полно раскрыть информационный потенциал выбранных юмористических текстов, систематизировав и обработав большое количество информации, содержащейся в них, оценить полученные результаты, вписав их в исторический контекст и пр.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬ? ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА БАЗ ДАННЫХ

Тексты журнала «Перец» и советские политические анекдоты имеют огромный информационный потенциал. Поэтому для анализа уровня взаимовлияния официального и неофициального юмористических дискурсов мы рассмотрели две наиболее часто встречающиеся обобщающие категории характеристической сущности «Проблематика» обеих БД. Проведенный контент-анализ показал, что таковыми являются «Советское руководство» и «Советские граждане» (см. табл. 1).

Данные, приведенные в таблице, могут свидетельствовать в пользу того, что юмор отражал общественный диалог между власть имущими и простыми гражданами. Однако репрезентируется ли он в отдельно взятых текстах или становится очевидным при анализе текстовых массивов? Частотный подсчет показал, что темы и персонажи, которых можно объединить в категории «Советское руководство» и «Советские граждане», встречаются одновременно в 32% текстах журнала «Перец» и в 15% анекдотов. Таким образом, репрезентация общественного диалога происходит на уровне текстовых массивов анализируемых источников, а не на уровне отдельного текста. В случае с анекдотом это можно объяснить небольшим его размером, что не всегда позволяло включить в сюжет обе стороны. Небольшой размер компенсировался возможностью угадать адресата благодаря иносказанию, играющему иногда значительную роль в семантической структуре текста анекдота. Иносказание часто использовалось гражданами в авторитарных обществах (по теории повседневного сопротивления Дж. Скотта) для создания «тайных посланий» к представителям власти[27]. В данном случае власть становилась адресатом послания, т. е. стороной, на которую направлена насмешка или осуждение, а советские граждане — адресантом, т. е. стороной, которая в тексте осуждает, высмеивает или несправедливо страдает[28], а анекдоты — «тайными посланиями». Следует отметить, что помимо социальных функций иносказание использовалось для достижения смехового эффекта в юмористических текстах.

Таблица 1

Частота встречаемости типовых категорий в советских политических анекдотах и текстах журнала «Перец»

Источник	Категория (тип)	Частота встречаемости, %
Советские политические анекдоты	*Советская власть: деятельность в СССР*	43,2
	Советские граждане	33,9
	Национальная проблематика	9,1
	Общий кризис	6,8
	Внешняя политика СССР	3,9
	Прочее	1,7
	Другие исторические процессы	1,2
	Негласные общественные отношения	0,2
Тексты журнала «Перец»	*Советские граждане*	43,1
	Советское руководство	23,8
	Внешняя политика	17,1
	Советское общество	12,8
	Прочее	1,9
	Обращения к читателю	0,6
	Национальная тематика	0,5
	Другие исторические процессы	0,2

В случае с журналом «Перец» то небольшое количество текстов, в которых представлено прямое взаимодействие власти и простых граждан, не может быть объяснено их размерами, так как больше половины из них (51%) — это тексты

среднего и большого размера, достигающие масштаба одного разворота, а большинство мелких текстов по размеру в несколько раз превосходят текст стандартного анекдота. Можно сделать вывод, что в большинстве случаев конфронтацию между простыми гражданами и власть имущими старались в текстах не обострять и по возможности высмеивать одновременно только одну сторону. Можно ли, таким образом, считать тексты журнала «Перец» и советские политические анекдоты двумя разными репрезентациями общественного диалога, его «провластным» и «народным» вариантами? Приблизиться к ответу на него возможно, проанализировав соотношение частоты встречаемости персонажей и проблем двух самых популярных категорий, а также то, насколько часто каждой категории посвящались «специальные» тексты (см. табл. 2). Результаты последнего подсчета позволят нам судить о направленности официального и неофициального юмора.

Как мы видим, доминирующим типом проблем в советских политических анекдотах является «Советское руководство», в текстах журнала «Перец» — «Советские граждане» (см. табл. 1). Аналогичные категории лидируют и по количеству текстов, где они представлены как единственная сторона в оппозиции (или диалоге) «власть — простые граждане» (см. табл. 2), т. е. юмористические тексты из того или иного массива посвящались прежде всего этой категории.

Таблица 2

Частота встречаемости категорий в текстах с полной оппозицией «Советское руководство — советские граждане» и в качестве ее единственной стороны

Источник	«Специальные» тексты для «Советского руководства» (доля от всех текстов, %)	«Специальные» тексты для «Советских граждан» (доля от всех текстов, %)
Советские политические анекдоты	21,4	20,8
Тексты журнала «Перец»	7,6	15,7

Как видно из полученных результатов, советские политические анекдоты — это прежде всего тексты про советское руководство, а тексты журнала «Перец» — о простых советских гражданах. Подобные результаты подтверждают гипотезу относительно того, что официальные и неофициальные юмористические тексты репрезентируют две стороны общественного диалога: официальные тексты представляют собой послания с закодированными смыслами от власти к гражданам, анекдоты представляют аналогичные послания от народа к власти. Однако в советских политических анекдотах доля «специальных» текстов, посвященных советскому руководству, ненамного больше доли текстов, посвященных советским гражданам. Следует сказать, что сюжет последних был связан с выражением недовольства относительно существующего положения от имени советских граждан. Как показал качественный анализ тестов анекдотов и материалов устной истории[29], такие сюжеты подразумевали оппозиционную сторону, на которую возлагалась ответственность за происходящее. Во многом именно это и делало такие тексты политическими анекдотами[30]. Конкретизация подразумеваемой стороны происходила ситуативно, в контексте пересказа анекдота. Наиболее часто в качестве таковой подразумевались власть имущие, реже — вся система, идеология. Например:

На вопрос армянскому радио, может ли простой советский человек купить автомашину, уже второй день нет ответа — все еще смеются[31].

— Будет еще хуже! — говорит пессимист.
— Хуже уже не будет, — отвечает оптимист[32].

«Специальные» анекдоты про советскую власть, напротив, довольно часто таковой оппозиционной стороны не подразумевали, а создавались только про власть имущих. Например:

Убитый Кеннеди приходит на тот свет. Открывает дверь и в ужасе шарахается от Сталина, стоящего за дверью с поднятым топором.
— Нэ бойся, прахады, нэ тэбя жду[33]!

Чаще всего такие сюжеты анекдотов касались внешней политики, внутрипартийных процессов, просто комического образа советских руководителей (особенно генсеков) — тех нечастых случаев, когда советская власть выступала не в качестве антагонистов, Других с негативными коннотациями, а в качестве комических, негативных или нейтральных Своих. Здесь мы не можем говорить о ярко выраженной оппозиции «Советское руководство — советские граждане». В контексте общественного диалога эти тексты все равно имели адресанта в качестве своих создателей и распространителей. Но с помощью таких анекдотов советские граждане осмысливали советскую власть и советское как Другого, приближали к себе, уравнивали свой статус с его и пр. Из-за отсутствия в текстах конфликта с этим Другим наличие адресанта в анекдоте не было обязательным.

Приведенные выше результаты показали, что юмор выступал своеобразным медиатором между властью и народом[34]. Это обусловлива-

ет как схожесть, так и различие двух вариантов юмора. Степень выраженности того и другого может показать анализ более мелких категорий, которые были выделены из типовых категорий. В БД таковым соответствуют поля «подтип» и «вид» для каждой характеристической сущности. Среди всех категорий из разряда «подтип», объединенных в типовую категорию «Советское руководство», была выбрана категория, названная «Особенности функционирования властного аппарата». Из всех других категорий, объединенных в «Советское руководство», эта является самой популярной в советских политических анекдотах и в текстах журнала «Перец». Из всех категорий, объединенных в типовую категорию «Советские граждане», для анализа была выбрана категория под названием «Проблемы быта советских граждан» (вторая по популярности в советских политических анекдотах и самая популярная в «Перце», см. табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости категорий, относящихся к типовым категориям «Советское руководство» и «Проблемы быта советских граждан»

Источник	Категории (подтип), относящиеся к «Советскому руководству»	Частота встречаемости	Категории (подтип), относящиеся к «Човетским гражданам»	Частота встречаемости
Советские политические анекдоты	*Особенности функционирования властного аппарата*	446	Отношение к советскому (негативные коннотации)	492
	Репрессии	380	*Проблемы быта советских граждан*	275
	Внутренняя политика	276	Работа советских граждан	110
	Культ личности и партии	106	Социальные пороки	90
	Агитация, пропаганда	93	Преступления	40
			Сопротивление советскому	22
Тексты журнала «Перец»	*Внутренняя политика*	235	*Проблемы быта советских граждан*	337
	Особенности функционирования властного аппарата	112	Работа советских граждан	204
	Антирелигиозная проблематика	12	Социальные пороки	80
	Агитация, пропаганда	3	Преступления	30
	Советское руководство как пример для подражания	3	Советские граждане как пример для подражания	11
	Репрессии	3	Отношение к советскому (негативные коннотации)	1

Эти категории были выбраны для анализа на том основании, что они, во-первых, являются самыми популярными, а во-вторых, репрезентируют две стороны общественной жизни советских граждан: политическую и бытовую, которые представляют общественное и индивидуальное в жизнедеятельности человека.

Как видим из полученных результатов, как в официальном, так и в неофициальном юморе можно выделить сходные категории. Однако различно их соотношение, в зависимости от происхождения юмора набор категорий может дополняться, некоторые категории представлены в другом ракурсе. Для того чтобы уловить более тонкие сходства и различия, проследить их трансформацию хронологически, определить факторы, наиболее повлиявшие на это, для примера мы сравнили две тематики: отражение проблем потребления (а точнее — потребительского идеала) и механизма функционирования государственного и партийного аппарата в анекдотах и текстах журнала «Перец».

Доля текстов, посвященных потреблению, в анекдотах и «Перце» практически одинакова: 11% и 10% соответственно (см. табл. 4).

Можно предположить, что схожие результаты были обусловлены неким реальным уровнем актуализации проблемы потребления в советском обществе. Однако разную направленность и мотивацию создания анализированных текстов иллюстрирует то, что частота упоминания в них потребления необходимого и желательного (потребительского идеала) заметно различается. В анекдотах тема продовольственной проблемы занимает доминирующее место среди анекдотов про потребление (79%), а потребительский идеал — второстепенное (20%). Т.е. советский человек изображен больше выживающим, чем потребляющим. В «Перце» же — другая ситуация: потребительскому идеалу посвящено 48% текстов из всех, где поднимаются проблемы потребления. Продовольственной проблеме — 4% (с отсылкой на дореволюционные времена либо в 1990–1991 гг.), а дефициту ширпотреба — 3%. Т. е. в официальном дискурсе

Таблица 4

Частота встречаемости анекдотов и текстов журнала «Перец» про механизм функционирования власти и потребительский идеал

Категории (подтип)	Советские политические анекдоты	Журнал «Перец»
Количество текстов в БД (текстовых единиц)	2175	537
Процент от генеральной совокупности	?	0,15
Количество текстов про репрезентацию механизма властного аппарата (текстовых единиц)	446	112
Процент от всех текстов из БД	21	21
Количество текстов про потребление (текстовых единиц)	217	59
Процент от всех текстов из БД	10	11
Количество текстов про потребительский идеал (текстовых единиц)	43	28
Процент от всех текстов из БД	2	5
Процент от всех текстов про потребление	20	48

советский человек никак не мог быть изображен голодающим. Но изображен ли он большим потребителем, чем в анекдотах? Для этого необходимо сравнить контексты, в которых встречается потребительский идеал и его состав. Прежде всего следует отметить, что в состав потребительского идеала зачислялись те предметы, которые изображались как средство повышения твоего социального статуса, то, что будет признаком твоего материального благополучия, то, чем ты, сытый и одетый, хотел бы обладать.

Контексты упоминания потребительского идеала, как ни странно, довольно схожи в официальных и неофициальных юмористических текстах. Так, до 1950-х гг. предметы потребительского идеала и в анекдотах и в «Перце» изображаются как привилегия советского руководства, его статусный аксессуар, то, что ставит руководство над народом, а это несколько неожиданно для официального дискурса. Причем если в «Перце» это явление изредка осуждается, то в анекдотах — практически нет. Однако с 1950-х гг. заметно расширение контекстов упоминания предметов потребительского идеала: начинает оговариваться его отсутствие у населения, плохое качество, незаслуженное владение машинами и квартирами советским руководством и др. Причем заметен импульс со стороны официального дискурса, который мог спровоцировать дальнейшее распространение подобных сюжетов в неофициальном. Так, подобные контексты в «Перце» встречаются уже с начала 1950-х гг., а в анекдотах они стали заметны с середины десятилетия. Первоначальная доля новых контекстов, отображающих расширение потребительских запросов советских граждан, в «Перце» сравнительно больше, чем в анекдотах. Таким образом, можно сделать вывод, что политика улучшения благосостояния населения[35], дополнившаяся официальным дискурсом, могла раздразнить в советских гражданах потребительские чувства, что и отразилось в неофициальных текстах на примере анекдотов.

Сравнивая состав потребительского идеала в анекдотах и в «Перце», можно отметить, что знаменитая «триада» — квартира, дача и машина[36] — сложилась в обоих дискурсах. Однако в анекдотах она более заметна, а в «Перце» существенно дополняется за счет домашней техники, модной одежды, ковров и пр. Все это изображено в качестве предметов желательного потребления. Появляются сюжеты, когда советское руководство награждает отличившихся шифером (в анекдотах — дачей или автомобилем), местные руководители обвиняются в присвоении хорошей мебели (в то время как у народа ее нет) и пр. Словом, потребительские запросы в неофициальном юморе выглядят куда более высокими, а шифер и мебель изображены более привычными вещами (по крайней мере, для тех, кто желал приобрести автомобиль).

Что касается проблематики механизма функционирования государственного и партийного аппарата, прежде всего следует обратить внимание на одну особенность, которая заключается в частоте упоминания партийных и государственных органов власти и тех, кто занимал в них посты.

Можно отметить, что органы государственной власти упоминались в анекдотах довольно редко по сравнению с органами партийной власти (17% против 83% соответственно), т. е. с властными структурами прежде всего ассоциировались органы партийной власти. Государственные же плохо «замечались» создателями фольклора и изображались марионеточными структурами, объектом влияния партии или самого генсека. Однако разница между всевластием партии и формальным существованием государственных органов четко не артикулируется. Иногда ставится под сомнение право КПСС на руководящую роль, оспариваются конкретные действия членов партии, однако при этом государ-

ственные органы власти не представлены как возможная альтернатива. В журнале «Перец» соотношение упоминания партийных и государственных органов власти кардинально противоположно. Среди всех представителей власти партийные органы упоминаются в 23% случаев, а государственные — в 77%, т. е. в официальном дискурсе власть в СССР — это действительно власть советов, народная власть. Она — главное действующее лицо и, следовательно, «главный обвиняемый» в «перегибах на местах», бесхозяйственности, своеволии и пр. Партийная же власть появляется в подавляющем большинстве случаев в контексте удовлетворения жалоб населения на местные государственные органы власти. Таким образом, несмотря на то, что в анекдотах представитель власти — это прежде всего партийный работник, а в «Перце» — представитель органов власти, руководящая роль партии признается и там и тут, с той разницей, что в фольклоре это властный беспредельщик, а в официальных текстах — чуткий и строгий направляющий.

Следует отметить еще одну особенность, которая касается репрезентации пирамиды власти. Например, в анекдотах власть очень персонифицирована, а лицом власти выступает сам генсек. Генсек принимает практически все решения (и за партийные органы власти, и за государственные), народ в ответ и обвиняет генсека также практически во всех неприятностях, однако право генсека на всевластие не оспаривается. В журнале «Перец» генсеки упоминаются крайне редко. Даже при единичных упоминаниях генсеки выступают второстепенными персонажами либо о них писали некрологи. Ситуация несколько поменяется в 1990–1991 гг., когда образ И. Сталина в «Перце» наконец совпадет с образом И. Сталина в анекдотах конца 1940-х — 1950-х гг., т. е. генсек изображен жестоким деспотом, организатором репрессий.

В «Перце» главное действующее лицо — это представитель власти на местах. Несмотря на то, что всегда указываются его имя, место работы (реальное или вымышленное), большинству населения эти данные ни о чем не говорят. Великое множество персонифицированных представителей власти на местах создает образ единой массы местных руководителей. Если их необходимо привлечь к ответственности, то появляется «правильная» власть из среднего или высшего звена, которая в других сюжетах также нередко обвинялась в безответственности, нерациональности и т. д., когда на нее также находилась управа из более высоких эшелонов власти. От этого зависели и коннотации, с которыми изображались представители власти: наибольшее количество негативных персонажей в «Перце» — это низшее руководство. Следует отметить, что и в официальном, и в неофициальном юмористическом дискурсе власть с одинаковой частотой изображалась в качестве негативных персонажей. Однако в «Перце» чаще представители власти изображены положительными героями, в то время как в анекдотах — комическими или негативными.

В анекдотах некоторые органы государственной власти практически не упоминаются (например — облсоветы, Совет министров и пр.). Практически незамеченным осталось среднее звено власти. Присутствуют иногда райсоветы, сельсоветы и высшие органы государственной власти (Верховный Совет СССР) — то есть те, которые были либо в прямой видимости большинства, либо наиболее актуализированные в сознании с помощью других масс медиа. В журнале «Перец» представлен более широкий спектр органов власти разных уровней. Создается ощущение, что авторы журнала хотели видеть своих читателей более политически грамотными, чем они, судя по фольклору, оказались на самом деле. В анекдотах иерархия власти выглядит отнюдь простой: самый главный — генсек, все остальные подчиняются ему. Таким образом, в неофициальном юмористическом дискурсе, в отличие от официального, некоторым образом отображаются двойные стандарты функционирования партийной и государственной власти. Однако они только репрезентируются, а не осмысливаются, причем официальный юмористический дискурс, судя по всему, имел слабое влияние на эти процессы.

Итак, проведенный анализ показал, что локализация и одновременная циркуляция официальных и неофициальных юмористических текстов в одном обществе с одной стороны, их разная направленность, мотивации создания с другой обеспечили как их сходство в образах, проблематике, способах создания значений, так и их различие. Можно предположить, что сходство происходило как в силу взаимовлияния, так и в силу некого реального уровня актуализации в обществе определенных проблем, стереотипов, образов. Однако следует заметить, что в некоторых случаях советские граждане, казалось, просто не воспринимали официальный дискурс и фиксировали в неофициальных текстах лишь то, что замечали сами. Тем не менее практически не происходило переосмысления и декларации разницы с официальным дискурсом, как мы видим на примере репрезентации механизма функционирования государственной и партийной власти. Но в случае с проблемами потребления импульс со стороны официального дискурса был подхвачен и развит в анекдотах. Это иллюстрирует то, что в основном советского человека занимали проблемы потребления, а не переосмысление базовых устоев политической системы в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб, 2008; Левада Ю. Секрет стабильности самой нестабильной эпохи / Ю. Левада, Т. Ноткина, В. Шейнис // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 15–30; Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002.

[2] Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008. С. 52.

[3] Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.

[4] Brom L. Dialectical identity: A General Introdaction to Alexander Zinoviev's Theory of the Soviet Man // Rocky Mountain Review of Languuage and Literature. Vol. 42. № 1–2 (1988). P. 15–27.

[5] Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 12.

[6] Истомина О. Диалог в условиях диспозиции «Свой-Чужой» // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 66–70.

[7] Джеймс Скотт — профессор антропологии Йельского университета, проанализировал соотношение господства и подчинения в традиционных обществах (Вьетнама, Бирмы и Юго-Восточной Азии) на уровне повседневности, а также исследовал стратегии их выживания.

[8] Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance.New Haven: Yale University Press, 1985.

[9] Копылкова Е. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): дис. … канд. психол. наук. М., 2006. С. 23; Henman L. Humor as a coping mechanism: Lesson from POWs // Humor: Internetional Jornal of a Humor Research. 2001. 14 (1). P. 312–315; Мартин Р. Психология юмора: пер. с англ. / под ред. Л. В. Куликова. СПб, 2009.

[10] Воробьева М. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960–1980-х годов): автореф. дисс. … канд. культорологии. Екатеринбург, 2008. 26 с.; Graham S. B. A cultural analysis of the Russo-soviet anekdot. Pittsburgh, 2003.

[11] Scott J. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven, 1993: Єремєєва К. А., Куліков В. О. Радянський політичний анекдот як форма повсякденного спротиву // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». 2011. № 965. Вип. 49. С. 239–251.

[12] Graham S. B. A cultural analysis of the Russo-soviet anekdot. Pittsburgh, 2003; Головецька Н. Український політичний анекдот XX ст.: статус та проблеми вивчення // Людинознавчі студії. Вип. 22. Філософія. Дрогобич, 2010. С. 170–179.

[13] Мельниченко М. Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации // Российская история. № 6. М., 2009. С. 28–40; Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. 368 с.; Богданов К. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.

[14] Копылкова Е. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): дис. … канд. психол. наук. М., 2006; Шмелева Е., Шмелев А. «Мы» или «Другие»: имитация украинской речи в русском анекдоте [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/89.htm (дата обращения 14.02.2012).

[15] Заплотинська О. «Формалізм чи новаторство?»: інтелектуальний нонконформізм в офіційному дискурсі 1960–1970-х рр. в Україні // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 145–157; Кузьмич О. Лексичні засоби комічного в мові українського журналу «Перець» (омоніми, антоніми, синоніми) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011. № 2. Ч. 2. С. 418–422; Кузьмич О. Фразеологізми як засоби комічного в українському журналі «Перець» // Дослідження з лексикології і граматики української мови / гол. ред. А. Поповський. 2011. Вип. 10. С. 139–144.

[16] Еремеева Е. Колебания уровня подтекста в политических анекдотах на украинскую тематику во времена советской власти: попытка интерпретации // Опыты историко-антропологических исследований: сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2010. С. 116–127; Еремеева Е., Куликов В. Образы «Других» в советских политических анекдотах на украинскую тематику // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 22–24 апреля 2011 г. Пятигорск — Ставрополь — Москва, 2011.

[17] Кулик В. Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки. — К., 2010. С. 27.

[18] Горобий А. Количественный контент-анализ периодической печати как источника по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 // Историческая информатика: информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 56.

[19] Личная коллекция анекдотов Н. П. Полупан [Рукопись] // Особистий архів автора.

[20] Мельниченко М. Советские анекдоты из коллекции Н. В. Соколовой (1926 год) // Живая старина. 2007. № 4. С. 125–129.

[21] Автором был начат проект по сбору устных свидетельств про распространение политических анекдотов в советский период. На протяжении 2008–2011 гг. автором было записано на электронный носитель 38 устных свидетельств респондентов разного возраста и разных социальных категорий. Все интервью расшифрованы и находятся в личном архиве автора.

[22] История СССР в анекдотах / худ. ред. И. Захарович. Минск, 1991; 1001 избранный советский политический анекдот / сост. М. Мошков [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/neizvesten_avtor/1001_izbranniy_sovetskiy_politicheskiy_anekdot.html (дата обращения 13.08.2014); Борев Ю. XX век в преданиях и анекдотах: в 6 кн. Харьков, Ростов н/Д, 1996.; Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. М., 2005; Андреевич Е. Кремль и народ: политические анекдоты. Мюнхен, 1951; Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. Лондон, 1985; Семенко Ю. Народне слово: Збірник сучасного українського фольклору. Львів, 1992. Ч. 6. (факсимильное переиздание сборника 1964 г.); Крикманн А. Интернет-анекдоты о Сталине. Тарту, 2004.

[23] Неизвестная Россия. XX век. / подг. текста В. Тепцова. М., 1993.

[24] Інтерв'ю з Полупан Наталею Петрівною (2) // Особистий архів автора. Ан. 045; Інтерв'ю з Шишко Любов Борисівною (2) // Особистий архів автора. Ан. 042; Інтерв'ю з Прасолом Сергієм Олександровичем (2) // Особистий архів автора. Ан. 031.

[25] Кабанов В. источниковедение советского общества : курс лекций. М., 1997. С. 352.

[26] Кулик В. Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки. — К., 2010. С. 47; Лотман Ю. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 27–28.

[27] Scott J. Domination and the art of resistance: hidden transcripts Haven, 1993.

[28] Бахтин М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М., 1996. С. 45–50.

[29] Інтерв'ю з Волосником Юрієм Петровичем // Особистий архів автора. Ан. 025; Інтерв'ю з Посоховим Сергієм Івановичем // Особистий архів автора. Ан. 019; Інтерв'ю з Журавльовим Денисом Володимировичем // Особистий архів автора. Ан. 009.

[30] Дмитриев А. Социология политического юмора: очерки. М., 1998. С. 7–8; Dudden A. P. The record of Political Humor // American Quarterly. Vol. 37. № 1. Special Issue; American Humor (Spring, 1985). P. 56.

[31] КГБ: 1001 избранный советский политический анекдот / сост. М. Мошков [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/neizvesten_avtor/1001_izbranniy_sovetskiy_politicheskiy_anekdot.html (дата обращения 13.08.2014 г.).

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Дмитриев А. Социология политического юмора: очерки. М., 1998. С. 9.

[35] Лях Е. «Запорожец»: концепт и воплощение идеи создания первого советского массового автомобиля // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 г., СПб.). СПб., 2011. С. 143.

[36] Щебанская Т. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы, 1986–1989 гг. М., 1997. С. 70–75.